ISSN 2304-0076

Семинар имени академика В.В. Седова

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Институт археологии РАН
Археологический центр Псковской области
Псковский археологический центр
Псковский музей-заповедник

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Семинар имени академика В. В. Седова

Материалы 59-го заседания
(9–11 апреля 2013 г.)

Выпуск 29

Нестор-История
Москва • Псков • Санкт-Петербург
2014

УДК 902/903
ББК 63.4
А87

Издано при финансовой поддержке РГНФ, грант 13-11-60501 г(р)

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия
П.Г. Гайдуков, Т.Ю. Закурина, Л.Я. Костючук, Э.В. Королёва, И.К. Лабутина, Н.В. Лопатин (ответственный редактор выпуска), *Е.В. Салмина* (ответственный секретарь), *Вл.В. Седов, Б.Н. Харлашов, Е.А. Яковлева*

А87 Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 59-го заседания. Вып. 29. — М. : ИА РАН; СПб. : Нестор-История, 2013. — 504 с., ил.

ISSN 2304-0076
ISBN 978-5-4469-02992-7

Сборник содержит материалы научных исследований по археологии, истории, архитектуре Пскова и Псковской земли, а также разнообразным вопросам истории культуры народов лесной зоны Восточной Европы.

Книга адресована как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся археологией и историей Северо-Запада России и сопредельных стран.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-4469-0292-7

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2014
© ГБУК «Археологический центр Псковской области», 2014
© АНО «Псковский археологический центр», 2014
© ГБУК «Псковский государственнный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», 2014
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2014
© Издательство «Нестор-История», 2014

Редактор *Е.Е. Сырнева*. Перевод резюме *С.Ф. Мацевич*
Художники: *А.В. Голикова, Н.С. Сафронова*
Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*

Подписано в печать 00.00.2014. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 40,6. Заказ № 3673. Тираж 350 экз.

Институт археологии РАН
117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7. Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru. www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
191119 СПб., ул. Правды, д. 15. Тел. (812)622-01-23

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА

Е.А. Яковлева. Археология в Пскове в 2012 г. 7
Е.В. Салмина, С.А. Салмин, Р.Г. Подгорная. Планировка Нового Торга: возможности реконструкции с учетом новых археологических данных 31
Л.В. Яворская. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский II в Пскове 42
С.В. Степанов. Исследования прибрежной части средневекового Полонища Пскова (по материалам Георгиевского II раскопа 2012 г.) 56
С.А. Салмин, Е.В. Салмина. Археологические раскопки на Никольском IV раскопе (у «Солодёжни») в 2012 г. 67
М.А. Васильев. Кожаная сумка из Петровского XI раскопа в Пскове 75
Ю.В. Колпакова. Подвески-дорники в псковских археологических и вещевых музейных коллекциях 82
Н.В. Новосёлов. Храмы мирожского типа и Троицкий собор XII в. в Пскове 95
А.А. Гиппиус, Т.В. Круглова, Е.А. Яковлева. Запись Шестоднева 1374 г. как источник по исторической топографии Пскова 105
М.Б. Бессуднова. Псковско-ливонские переговоры 1472–1474 гг. в свете ливонских документов из иностранных архивов 116

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ

Х. Валк. Каменные оборонительные сооружения Изборского городища: взгляд из Эстонии 125
А.В. Яковлев, Н.В. Лопатин. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011–2012 гг. 137
Б.С. Короткевич, Б.Н. Харлашов. Итоги исследования городища Борохново 146
М.И. Кулакова, А.В. Михайлов, Е.В. Салмина, Е.А. Яковлева. Археологические исследования в Великих Луках в 2012 г. 161
Э.В. Королёва, Е.А. Яковлева. Концепция музеефикации Великолукской крепости 171
А.А. Михайлов. Затинные пищали на вооружении крепостей Псковской земли в XVII в. 183
А.Л. Потравнов, Т.Ю. Хмельник. Каменные кресты в круге на северо-западе России 192
В.М. Рожнятовский. Принципы разметки каменных крестов 205
О.А. Тарабардина. Новгородский Великий мост в свете данных дендрохронологических исследований 218
О.М. Олейников. Археологические исследования в северной части Неревского конца Великого Новгорода (раскоп Досланьский) 225
М.И. Петров. Усадебный комплекс начала XIII в. по материалам раскопа Никольский-2007 в Новгороде 235

Т. С. Дорофеева. Отдельные находки металлических привесок-амулетов на Новгородском (Рюриковом) Городище 245
С. И. Стеблин-Каменская. Руническая надпись на привеске-оселке: разбор сложностей, связанных с ее чтением и транслитерацией 259
П. П. Колосницын. Коллекция деревянных бирок из раскопок в Старой Руссе: опыт классификации 266
А. М. Салимов, В. В. Данилов. Михаило-Архангельский собор Старицы по материалам последних исследований 274

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ

А. А. Егорейченко. Хронология ранних городищ Браславского Поозерья 289
Б. С. Короткевич, М. В. Саблин. Фауна городища Анашкино (динамика культурно-хронологических изменений) 298
П. Е. Сорокин, М. А. Юшкова. Новые находки древностей культуры каменных могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности 312
Е. Р. Михайлова. К характеристике погребальной обрядности культуры псковских длинных курганов 323
В. А. Плавинский. Арбалет в комплексе вооружения XIII–XV вв. на территории Беларуси 329
Р. Йонайтис. Исследования на территории «Civitas Rutenica» в Вильнюсе в 2012 г. (Не)ожиданные открытия 343
И. Каплунайте. Мусор в повседневной жизни жителей Католического района Вильнюса в XIV–XVI вв. 349
С. В. Белецкий. Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах 357
Н. А. Плавинский. Миниатюры Радзивиловской летописи как источник по истории древнерусского оружия: к постановке вопроса 388
Р. Спиргис. Средневековые бестиарии как источник по интерпретации ливских зооморфных подвесок 402
И. Г. Соколова. О новом способе фиксации археологического дерева 414

ИСТОРИЯ НАУКИ И КУЛЬТУРООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т. В. Круглова. Первый опыт научного хранения Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (1908–1917 гг.) 417
М. В. Медведева. Материалы по археологии Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии из собрания Императорской Археологической комиссии. Случайные находки 424
В. Ю. Соболев. Борис Коишевский и Евгений Исполатов: к биографии исследователей Гдовского уезда 436
И. А. Федоров. Курганная группа Гатчина 1. Новые архивно-картографические данные 451
Е. В. Торопова. Первые мероприятия по сохранению археологического наследия на Северо-Западе России во второй половине 1920-х гг. 455

С. В. Белецкий. Слово о друге 461

Сведения об авторах 473
Список сокращений 475
Иллюстрации 477

А. А. Гиппиус, Т. В. Круглова, Е. А. Яковлева

Запись Шестоднева 1374 г. как источник по исторической топографии Пскова*

A. A. Gippius, T. V. Kruglova, E. A. Yakovleva. The Record of the Shestodhev (Hexaemeron) of 1374 as a Source of the 14th century Pskov Historical Topography

Abstract. On the basis of historical, linguistic and paleogeographic analysis the authors propose what they consider to be the only possible interpretation of the much-disputed phrase from the scribe Savva's record in the manuscript of Shestodnev (Hexaemeron) written in Pskov in 1374. The phrase refers to the Pskovites' public discussion of a change in the route of a new stone wall as compared to the old wooden one. The changes concerned the section of the wall near the New Ascension female Monastery. The pragmatic approach not involving additional costs took over. The monastery remained outside the city walls on the Posad.

Ключевые слова: Социальная топография, Псковский Кром, Шестоднев 1374 г., Ново-Вознесенский монастырь, записи писцов, палеогеография

Большое значение для изучения истории средневекового Пскова имеют записи на рукописных книгах, выполненные псковскими писцами. Они не только содержат сведения, хорошо известные из псковских летописей, но и нередко дополняют их новыми фактами. Одним из наиболее известных кодексов, содержащих такие записи, является Изборный октоих, или Шестоднев 1374 г., доставленный в Москву из псковского Середкина монастыря в 1679 г. и ныне хранящийся в собрании рукописей Синодальной типографии РГАДА (Ф. 381. № 67). Писец этой рукописи, священник Савва, оставил на ее полях 16 записей «дневникового» содержания, неоднократно привлекавших внимание исследователей. Последняя публикация этого комплекса была осуществлена Л. В. Столяровой (2000). Предметом настоящей статьи является запись исторического содержания, сделанная писцом на л. 95 и имеющая следующий вид:

Въ лѣт(о) 6000-ное 800-тное 82. Сего же лѣ*т*(а) Кюрилъ с(вя)тыи свьршишь, и вл(а)д(ы)ка Wлексеи въ Пьсковѣ былъ, и пьсковици гадають град(а) Пьскова приити на Новое Възнешение, а писалъ Сава попъ (*Столярова*, 2000. С. 307).

Запись сохранилась без утрат и повреждений. По псковским летописям уверенно идентифицируются исторические факты, названные в ее первой части: завершение строительства церкви св. Кирилла и приезд в Псков архиепископа Алексея. Впрочем, датировка этих фактов, а вместе с ними и самого

* Доклад на 58-м заседании семинара в апреле 2012 г.

кодекса, вызвала небольшую дискуссию, причиной которой стали расхождения в изложении событий между Псковской 1-й и Псковской 2-й летописями. Ср.:

П1Л: В лѣто 6881 (1373). Поставиша церковь святого апостола Петра и Павла на другом мѣсте камену; а священъ архиепископъ Алексѣи съ своим клиросом, въ свои приѣздъ. Того же лѣта поставлена бысть церковь святого Власия камена на другом мѣстѣ. А на другое лѣто сам мастер церковный Кирил поставил церковь в свое имя, святыи Кирил, у Смердя моста над греблею. Въ то же лѣто поставлена бысть церковь камена святого Тимофѣя, Доманта князя (ПЛ, 1941. С. 23)[1].

П2Л: В лѣто 6881 (1373). Поставиша камену церковь на другом мѣсте святых апостол Петра и Павла; и освяща ю самъ Алексии архиепископъ въ свои приѣздъ. Того же лѣта поставлена бысть церковь камена святого Власия на другом мѣстѣ.

В лѣто 6882 (1374). Мастеръ церковный Кирилъ постави церковь камену въ свое имя святого Кирила архиепископа иерусалимскаго. Въ то же лѣто поставлена бысть церковь камена святого Тимофѣя (ПЛ, 1955. С. 28).

Л. В. Столярова, исходя из того, что владычный приезд отмечен в летописи под 6881, а не под 6882 г., предположила, что дата выходной записи Шестоднева является ультрамартовской и соответствует 6881 (1372/73) мартовскому году (*Столярова*, 2000. С. 308). С ней не согласился А. Е. Мусин: «Л.В. Столярова считает, что завершение Петропавловской и Кирилловской церквей относится к одному году и соответственно они были освящены в один приезд Алексия между 1 марта и 31 декабря 1373 г. Однако Кирилловская церковь была все-таки закончена позднее, “на другое лето” после освящения Петропавловского храма, т. е. согласно П2Л не в 6881, а в 6882 г., что и соответствует датировке исторической записи»[2]. Сделав это абсолютно верное замечание, А. Е. Мусин, однако, не остановился на нем, но предположил, что архиепископ Алексей в течение двух лет дважды приезжал в Псков: на освящение церкви свв. Петра и Павла в 1373 г. и на освящение церкви св. Кирилла в 1374 г.; первый приезд был отмечен летописью, о втором сообщается в записи (*Мусин*, 2010. С. 280). Такое объяснение следует признать ошибочным. Как справедливо заметила Л. В. Столярова, новгородские владыки «бывали в Пскове согласно летописям не чаще одного раза в четыре года» (*Столярова*, 1999. С. 109). Действительно, очередность и сроки подъездных посещений новгородским архиепископом Пскова строго регламентировались псковичами, т. к. были сопряжены с большими материальными издержками. Повторное посещение Пскова на следующий год было невозможно, т. к. не соответствовало «старине». С другой стороны, летописный текст не дает ровно никаких оснований предполагать двукратное посещение Пскова архиепископом Алексеем

[1] Практически идентичный текст содержит и Псковская 3-я летопись (ПЛ, 1955. С. 105).

[2] В пользу традиционной датировки записи в Изборном Октоихе высказывается и И. К. Лабутина (2011. С. 295).

в 1373–1374 гг. Причина затянувшегося недоразумения кроется в текстологическом соотношении известий двух летописей: события, о которых П1Л сообщает в одной статье 6881 г., в П2Л помещены под двумя годами. При этом первоначальным, несомненно, следует признать текст П1Л, представляющий собой ретроспективно сделанную запись о событиях двух лет. Известие об освящении архиепископом Алексеем церкви Петра и Павла «в свой приезд» следует относить к 6882 мартовскому году, когда владыка освящал церковь св. Кирилла; тогда же, на следующий год после окончания строительства, им была освящена и Петропавловская церковь. Составитель П2Л разбил статью 6881 своего источника на две статьи, в результате чего известие о приезде архиепископа получило дату, на год опережающую реальную[3].

Действительно сложную проблему представляет интерпретация третьей фразы записи: «и пьсковици гадають гра*д*(а) Пьскова прияти на Новое Възнешение». Существуют три варианта ее толкования, предложенные А. А. Покровским, Л. В. Столяровой и А. Е. Мусиным.

А. А. Покровский, комментируя запись, писал: «Здесь речь идет о псковской церкви Новое Вознесение, которая была построена в 1467 г.; вероятно, в 1373 г. псковичи могли “гадать”, т. е. думать о построении этой церкви» (*Покровский*, 1916. С. 65). Курьезность растянувшегося почти на столетия «намерения» псковичей возвести новый Вознесенский храм была справедливо отмечена Л. В. Столяровой, которая также обратила внимание на приведенные Л. А. Твороговым (1963) свидетельства того, что Ново-Вознесенский монастырь существовал уже во второй четверти XIV в. «Таким образом, — заключает исследовательница, — в 1373 г. псковичи не могли гадать о постройке монастыря Новое Вознесение, так как он, вероятно, к этому времени уже действовал» (*Столярова*, 2000. С. 309)[4]. В поисках альтернативного толкования Л. В. Столярова обращается к семантике глагола *прияти* и, остановившись на значении «прэинять, принимать (т. е. встречать)», высказывает следующее предположение: «В первой части записи, интерпретация которой не вызывает сомнений, идет речь о постройке церкви св. Кирилла и о приезде в Псков владыки Алексия. Не является ли вторая часть записи указанием на намерение псковичей встретить владыку в Ново-Вознесенском монастыре?» (Там же). Заметим сразу, что содержательно это предложение выглядит не меньшим курьезом, чем трактовка Покровского: «гадать» о том, где встречать владыку, вряд ли имело смысл после того, как тот уже побывал в Пскове (о чем недвусмысленно сообщает запись). Неприемлемо оно и в лингвистическом отношении, оставляя непонятным синтаксический статус формы родительного падежа *града Пскова*, управляемой глаголом *прияти*; что же касается предлога

---

[3] О редактировании составителем Н2Л своего источника см.: *Насонов*, 2003. С. 33, 34.

[4] И. К. Лабутина справедливо заметила, что дата 1467 г. «как время закладки каменной церкви в Нововознесенском монастыре, иногда присутствующая в литературе, ошибочна: под этой датой П3Л отмечает закладку, а П1Л — совершение церкви Воскресения на Полонище» (*Лабутина*, 2011. С. 235, 236).

на («на Новое Възнешение»), который, по мысли Столяровой, «является указанием места и соответствует предлогам “в” или “у”» (Там же), то он в сочетании с винительным падежом может обозначать только направление, но никак не место.

Третья интерпретация, недавно предложенная А. Е. Мусиным, опирается на уже упомянутое предположение исследователя о двух приездах архиепископа Алексея в Псков. «В этой связи приобретает смысл и загадочная фраза той же записи, которую стоит рассматривать в контексте владычных подъездов: “И владыка Алексий в Пскове был, и псковичи гадают града Пскова приятии на Новое Вознесение”. <...>. Мы предлагаем понимать эту фразу следующим образом: псковичи, впечатленные фактом частых приездов новгородского архиепископа на освящение храмов — Петропавловского в 1373 г. и Кирилловского в 1374 г., теперь ожидают (“гадают”), что Алексий приедет во “Град Псков”[5] и на освящение Нового Вознесения, строительство или перестройка которого соответственно могут быть датированы серединой — второй половиной 1370-х гг.» (*Мусин*, 2010. С. 280). К сожалению, и эта трактовка заключает в себе элемент курьеза: удивляет необычайная «впечатлительность» псковичей, полагающих — вопреки прочно установившейся практике, — что зачастивший в город владыка будет теперь наезжать туда постоянно. С другой стороны, как уже было сказано, ретроспективный характер статьи 6881 г. П1Л делает допущение двух приездов архиепископа, в 1373 и 1374 гг., совершенно излишним. Наконец, предполагаемый А. Е. Мусиным смысл никак не выводится из структуры фразы, заставляя прибегать к ничем не подтверждаемой и малоправдоподобной конъектуре: «(архиепископа) града Пскова».

Сочетание сомнительного смысла с насилием над грамматикой — верный признак ошибочности толкования. В нашем случае оно в равной степени характеризует все три разобранные трактовки. Можно поэтому с полной уверенностью утверждать, что адекватной интерпретации записи до сих пор предложено не было. Между тем, грамматически корректное понимание загадочной фразы не только возможно, но и позволяет приписать ей смысл, идеально вписывающийся в исторический контекст.

Слова «пьсковици гадають гра*д*(а) Пьскова приѣти на Новое Възнешение» означают, на наш взгляд, следующее: ‘Псковичи думают расширить крепость Пскова в направлении Нового Вознесения’ (или ‘до Нового Вознесения’).

Поясним этот перевод, рассмотрев сначала его лингвистические основания. Значение ‘расширить, увеличить территорию’ не засвидетельствовано словарями для глагола *прияти* в древнерусских текстах. Очевидна, однако, его семантическая близость таким значениям этого глагола, как ‘присвоить, захватить’, с одной стороны, и ‘охватить, объять’ — с другой (см.: Словарь...

[5] Быть может, фразу можно реконструировать следующим образом: «И псковичи гадают [архиепископа] града Пскова прияти на Новое Вознесение» (прим. А. Е. Мусина).

2008. С. 653–664). Ср., напр., следующий контекст из «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку: «По двою же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ и прия власть Рюрикъ» (ПСРЛ, 1962. Стб. 20). Рюрик обладал властью и до смерти Синеуса и Трувора, после которой он лишь расширил ее за счет властных полномочий своих умерших братьев. Значение ‘получить’ возникает у *прияти* на основе значения ‘присоединить, прибавить’. Структурно, *прияти* составляет такую же пару с *прибавити*, какую *у(н)яти* образует с синонимичным ему *убавити*. С учетом этой семантической пропорции чрезвычайно показательным представляется следующее известие статьи 1391 г. Никоновской летописи, сообщающее об очередном этапе крепостного строительства в Городце: «Того же лѣта князь великыи Михайло Александрович *прибавил Новаго городка* на Волзѣ съ приступа, и ровъ около копали» (ПСРЛ, 1897. С. 125). С нашей записью этот контекст сближает не только содержание, но и общая модель глагольного управления: как и в нашем случае, обозначение расширяемого объекта (крепости) стоит здесь в родительном падеже, выражающем значение неполного охвата объекта действием или «неопределенного количества»[6].

Что же касается сочетания *градъ Псковъ*, то оно, как хорошо известно, выступает в текстах этого времени именно как обозначение псковской крепости — Крома (см.: *Лабутина*, 2011. С. 67).

Итак, предметом публичного обсуждения псковичей в 1374 г., в разгар работы писца Саввы над его манускриптом, был вопрос об увеличении городской укрепленной территории дополнительным участком, простиравшимся до (или в направлении) «Нового Вознесения» (это понятие выступает в данном случае как географический объект). В такой трактовке загадочная фраза в записи Псковского Шестоднева однозначно соотносится с событием, о котором Псковская 2-я и 3-я летописи сообщают под следующим, 1375 (6883) г., а Псковская 1-я (явно вследствие хронологического сбоя — см.: *Лабутина*, 2011. С. 62) — под 1380 (6888) г. Этим событием стало строительство четвертой городской стены, Среднего города. Ср.:

П1Л: Въ лѣто 6888. При велицѣмъ князѣ Дмитреи, и при псковском князи Матфѣи, и посадницѣ Григорьи Остафьевиче, псковичи заложиша 4-ю стѣну камену, от Псковы рекы до Великои рѣкы, по старои стенкы, что была ту стѣнка со дубом мало выше мужа, около всего посада» (ПЛ, 1941. С. 23);

П3Л: Въ лѣто 6883. При велицемъ князи Дмитреи, а при псковскомъ князи Матфеи, и посадниче Григорьи Остафьевиче, псковичи заложиша четвертую стѣну плитяну, от Псковы рѣки до Великои рѣки, подле старои стенке, что была стѣнка с дубомъ, мало выше мужа, около всего посада» (ПЛ, 1955. С. 105);

---

[6] О более широком, сравнительно с современным русским литературным языком, употреблении в древне- и среднерусских текстах объектного генитива, в том числе в указанном значении, см.: *Малышева*, 2010.

П2Л: Въ лѣто 6883. В лѣта великого князя Дмитриа и псковского князя Матфѣя и посадника Григория Остафьинича псковичи заложиша 4-ю стѣну камену, от Псковы до Великыа рѣкы, по старои стѣнѣ, поне же была старая стѣнка здѣлана з дубомъ, мало оузвышь мужа, около всего посада» (ПЛ, 1955. С. 28, 29)[7].

Как и крепость в Городце, псковский Кром был в 1375 г. в очередной раз расширен «с приступа», и Ново-Вознесенский монастырь как нельзя лучше подходил для указания вектора этого расширения. В отличие от летописи, запись в Псковском Шестодневе отразила не сам акт строительства, но предшествовавшие ему обсуждения. Писец Савва, любивший сообщать в маргиналиях о собственных планах («Шести ужинатъ», «Поити на вечернюю», «Поехати питъ в Зряковици» и др.), не изменил своему обыкновению и на этот раз, реализовав его, однако, на ином, более высоком уровне.

При том, что связь между записью кодекса и строительством крепостной стены в 1375 г. устанавливается со всей непреложностью (в этом смысле мы утверждаем, что предлагаемая трактовка спорной фразы не просто лучше других, но является единственно верной), вопрос о том, какой именно план расширения Крома обсуждался псковичами в 1374 г., нуждается в дополнительном рассмотрении.

Дополнительные подтверждения именно такому объяснению анализируемой рукописной реплики, на наш взгляд, дает анализ особенностей начальных природных условий местоположения Ново-Вознесенского монастыря. Эта территория находится в центре исторической части междуречья Псковы и Великой, примерно в 200 м к востоку от трассы главной улицы древнего города — Великой, в ближайшем предстенье линии укреплений 1374/75 г., на участке между ее Великими и Трупеховскими воротами. Ныне здесь располагается Детский парк. Пространство свободно от застройки и частично сохранило черты своего первоначального рельефа. На интересующем нас

[7] Обращает на себя внимание то, что в общем тексте П1Л и П3Л имеются различия в обозначении двух типов фортификационных сооружений: старая дубовая стена дважды названа уменьшительным словом «стенка» («подле старой стенки», что была стенка с дубом»), т. к. была немного выше человеческого роста; новая плитяная называется «стеной», т. к. это более капитальное строение. В П2Л уменьшительное обозначение «стенка» сохранилось только в одном месте, что является следствием более позднего редактирования. Подобного рода различия носят принципиальный характер, имеются в этом сообщении и больше нигде не встречаются. Другие редакторские различия не менее интересны: в П1Л и П2Л новая стена называется каменной, в П3Л более точное определение материала — «плитяная». В П3Л новая плитяная стена заложена «подле» старой стены, в П1Л и П2Л - «по старой стене», т. е. по трассе старой стены. Эти разночтения также очень важны. При закладке фундаментов каменной стены («заложиша») вокруг всего посада старая дубовая стена еще сохранялась на случай возможного вражеского нападения. Ко времени редактирования текста П2Л (может быть, П3Л?) дубовые укрепления были, видимо, разобраны, а возведенная каменная стена стояла вдоль всего посада. При редактировании эти технологические детали потеряли свое смысловое значение.

участке находятся два значительных природных ориентира: Васильева и Романова горки. Название первой, небольшой по площади локальной возвышенности, связано с одноименным храмом, первое каменное здание которого было построено «перед 1376/77 г.» (*Лабутина*, 2011. С. 280). Позднее здесь же появилась Васильевская башня. Время возникновения второго оронима точно не устанавливается. Впервые он упоминается псковскими летописями в связи со строительством церкви Похвалы Богородицы в 1442 г. (П1Л, П3Л), но, несомненно, что и при строительстве стены, и ранее Романиха служила важным топографическим ориентиром и выделялась в природно-культурном ландшафте. Возвышенность представляет собой значительную по площади, вытянутую почти на 0,5 км по оси СВ–ЮЗ гряду. Нововознесенский монастырь располагался в ее северо-восточной части, примерно в 30–50 м от бровки склона, в 150 м к юго-востоку от реконструируемой по плану 1740 г. линии древней стены в районе церкви Василия на Горке. Реконструируемые абсолютные высотные отметки палеоповерхности вершины Васильевой и соответствующей, противостоящей части Романовой возвышенностей дают значения: первой — ок. +44,00, второй — ок. +48,00.

И ту, и другую горки можно считать «горами» лишь относительно пониженных участков, окружающих и разделяющих их. Вероятно[8], в обоих случаях всхолмления являются останцами палеоповерхности, сформировавшимися в результате активности послеледниковых вод. Возвышенности разделены природной низиной, ориентированной на рассматриваемом участке вдоль подножия Романихи. Уровень дна низменности корректно определить как «ниже +40,00». Низина наследует местоположение предстенного укрепления, заложенного в свое время на основании русла стока из понижения, упоминаемого источниками как «Лужища», и долины ручья, берущего свое начало в церкви Покрова от Торга. Реликты ручья в составе средневекового рва известны по документам XVIII–XIX вв. как речка Зрачка, засыпанная и помещенная в трубы на большей части своей протяженности.

Сосредоточение на относительно небольшом участке таких ярко выраженных, противоположных по значению элементов рельефа не могло не учитываться при строительстве оборонительной линии третьей четверти XIV в.

Использование защитных свойств рельефа в крепостном строительстве — одно из общих мест. Оно характерно для ранних этапов развития фортификационного зодчества и неоднократно отмечалось многими исследователями.

Моделирование погребенного рельефа территории средневекового Пскова позволило установить достаточно прочные взаимосвязи между рельефом местности и развитием основных элементов планировочной структуры поселения. В частности, достоверно определяется приуроченность напольных линий укреплений в междуречье Псковы и Великой к значительным природным линейным понижениям, ставшим основой для устройства предстенных рвов.

---

[8] По мнению одного из авторов — Е. А. Яковлевой. В отношении Васильевой горки не исключается связь ее происхождения (или более выраженного оформление рельефа) с работами по строительству фортификаций на конкретном участке.

Ориентировка этих низин, в свою очередь, оказалась обусловленной направлениями планетарной трещиноватости, развитой в коренных породах региона (*Татарников, Вязкова, Яковлева*, 2003; *Яковлева, Татарников*, 2011).

Анализ особенностей рельефа трассы стены 1374/75 г., особенно в ее центральной и юго-западной частях, показал, что основной причиной устройства этой оборонительной линии по ее исторической трассе было наличие значительного природного основания — протяженных линейных понижений, обводненных или переувлажненных на некоторых участках. В формировании рва линии укреплений Среднего города, вероятно, «приняли участие» участки летописной Лужи (Лужищи) и ручей, берущий начало в районе церкви Покрова Богородицы на территории Нового Торга, трансформированный затем в р. Зрачку, и овраг (или балка) бокового вреза в склоне надпойменной террасы в районе Мстиславской башни. Анализ особенностей рельефа в районе напольной границы Среднего города показывает, что иных вариантов прохождения линии укреплений у строителей фактически не было.

Несомненно, что развитие псковской крепости периода средневековья, прежде всего, было связано с ростом посада. При этом планирование конкретных трасс возведения укреплений помимо рельефа местности учитывало еще целый ряд факторов. Роль каждого из них имела различное значение как на отдельных пространственно-топографических отрезках, так и для времени возведения фортификаций.

Например, при рассмотрении линии более поздних укреплений Окольного города центральной части Пскова обращает на себя внимание то, что подавляющая часть некогда пригородных монастырей оказалась включенной в охраняемые городские пределы. При этом совпали обстоятельства того, что монастыри, как правило, изначально создавались на повышенных местах, к которым впоследствии тяготела и крепостная стена. Поскольку возвышенности и низины территории древнего Пскова имели взаимоотносительный характер, то у основания возвышенностей существовали пониженные участки рельефа, становившиеся основой предстенных рвов.

Помимо стремления, вероятно целенаправленного, взять пригородные монастыри под защиту крепостных стен, уже имел значение и другой фактор. С наступлением эпохи огнестрельного оружия фортификаторы не только использовали оборонительные свойства рельефа для повышения неприступности своих крепостей, но и более внимательно относились к условиям, в которых должен был оказаться потенциальный противник, подошедший под стены города. Крайне неблагоприятным обстоятельством являлось наличие возвышенностей, с которых неприятель мог бы вести огонь по участкам, открывавшимся из-за стен, или просто наблюдать за жизнью крепости. Свидетельства внимания, которое уделялось рельефным особенностям не только местоположения самой крепости, но и территориям ее окружения в связи с развитием огнестрельного оружия, мы находим в материалах XVII в., связанных с модернизацией Можайского Кремля (*Сергеева-Козина*, 1952. С. 347–362). Московское правительство, контролировавшее усовершенствование крепости, требовало от руководителя работ Б.М. Лыкова, помимо исполнения всего плана

в целом, предоставить детальный ответ, в какой мере и откуда видна внутренняя площадь новой крепости. Этому был посвящен целый раздел в отчетной росписи: «Роспись горам, с которых видеть в город и через которую городовую стену и в скольких саженях» (Там же. С. 359). Для минимизации опасности со стороны потенциального противника в таких случаях производились специальные работы: вертикальная планировка «проблемных» участков местности, увеличение высоты и толщины стен и др.

Вероятно, для строителей стены Среднего города «доартиллерийской эпохи» эти проблемы еще были не столь актуальны, с учетом господствовавшей тактики осады крепостей. Хотя следует отметить, что «в город» были взяты и Васильева и Незнанова горки, на которых несколько позднее появились одноименные башни.

В крепостях конца XIII — XIV в. особое внимание уделялось приступным стенам, перед которыми всегда существовали естественные или устраивались искусственные преграды (*Косточкин*, 1962. С. 182), затрудняющие использование осадной техники. В нашем случае такой преградой служили низина и примыкающая к ней возвышенность (Романиха), которая затрудняла монтаж и использование стенобитной техники перед фронтом стены 1374/75 г.

Итак, основными причинами создания новой напольной стены древнерусской псковской крепости являлись рост посада и, вероятно, необходимость развития системы обороны городского ядра — Крома — через расширение укрепленных территорий, служащих дополнительными преградами в случае прорыва врага за внешние городские стены. Ярко выраженным естественным основанием для строительства новой напольной линии стала система пониженных и обводненных участков природного рельефа. Помимо этого, на участке в районе Романовой горки требовал учета еще один фактор — Ново-Вознесенский монастырь. Эту особенность расположения монастыря первой отметила И. К. Лабутина — он самый приближенный к центру Пскова из монастырей Полонища (*Лабутина*, 1985. С. 235). На момент строительства каменной стены в конце третьей четверти XIV в., вероятно, это была единственная пригородная обитель, вопрос о включении которой в укрепленные пределы посада мог рассматриваться как реальность.

Если мы соглашаемся с предложенной трактовкой записи в Шестодневе, то можно предположить, что у строителей каменной стены было два выбора, имевших различные последствия:

1) отклониться от уже существовавшей деревянной линии укреплений, взяв монастырь под защиту городских стен;

2) проложить новую каменную ограду посада вдоль старой деревянной стены, оставив Новое Вознесение на незащищенной территории, в непосредственной близости от защищенных городских пределов.

Так почему же псковичи не взяли Новое Вознесение в пределы города?

В первом случае имелось слишком мало природных оснований в рельефе для отклонения от очень удобного для устройства фортификаций линиамента «Зрачка» и строительства оборонительной линии на территориях,

находящихся к юго-востоку от рва стены 1374/75 г. Если бы стена «взобралась» на Романову горку, пришлось бы вручную рыть предстенные укрепления. В псковской практике строительства крепостей всегда максимально использовались широко распространенные на территории города существующие природные низины. Летописи Пскова, в отличие от Новгорода, ничего не сообщают о «рытье» рвов, а лишь констатируют их наличие.

Строительство «с учетом монастыря» стало бы значительно более трудоемким и затратным. К тому же стена значительно «опередила» бы внешние границы роста посада, в чем, вероятно не было необходимости. Локальное отклонение линии стены от относительно прямой трассы, некий выступ для «охвата» монастыря, также был невозможен. Городские фортификации этого времени строились по кратчайшей траектории.

При втором решении максимально использовались оборонительные свойства рельефа, значительно экономились ресурсы и время. Братия монастыря в случае опасности, несомненно, находила защиту в стенах города, а может быть, и сам монастырь переносился в город на время осады, на специально отведенные участки, как это было в XVI в. с Сергиевской с Залужья (*Киселев*, 1999. С. 105) или св. Духа со Усохи и Иоанна Милостивого (*Лабутина*, 2011. С. 248) обителями.

Таким образом, вопрос о котором «гадали» псковичи, действительно был важным и неоднозначным, с учетом всех приведенных наблюдений. Победил более прагматичный подход, связанный с наименьшими временными, финансовыми и ресурсными затратами.

Литература

Киселев Ю.Н., 1999. Хозяйственная деятельность Сергиевского монастыря с Залужья // Древности Пскова: Археология, история, архитектура. Псков.

Косточкин В.В., 1962. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI веков. М.

Лабутина И.К., 1985. Историческая топография Пскова XIV–XV вв. М.

Лабутина И.К., 2011. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.

Малышева А.В., 2010. Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М.

Мусин А.Е., 2010. Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб.

Насонов А.Н., 2003. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. М. Т. V. Вып. 1.

ПЛ, 1941 — Псковские летописи / Публикация А.Н. Насонова. М.; Л., 1941. Вып. I.

ПЛ, 1955 — Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. Вып. II.

Покровский А.А., 1916. Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие: Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М.

ПСРЛ, 1962 — Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1.

ПСРЛ, 1897 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. 11.

Сергеева-Козина Т.Н., 1952. Можайский Кремль 1624–1626 гг. (опыт реконструкции) // МИА. № 31: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. М.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2008. Т. VIII.

Столярова Л.В., 1999. Из истории книжной культуры русского средневекового города (XI–XVII вв.). М.

Столярова Л.В., 2000. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М.

Татарников О.М., Вязкова О.Е., Яковлева Е.А., 2003. Опыт и некоторые результаты реконструктивного моделирования погребенного рельефа древнего Пскова // Псков в российской и европейской истории. М.

Творогов Л.А., 1963. О датировке двух памятников псковского зодчества // Архитектурное наследство. М. Т. 16.

Яковлева Е.А., Татарников О.М., 2011. Природные условия древнего Пскова и их влияние на развитие средневекового города (по археологическим данным) // Тр. III (XIX) Всерос. АС (Великий Новгород – Старая Русса). СПб.; М., Великий Новгород. Т. II.

Сведения об авторах

Белецкий Сергей Васильевич, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Бессуднова Марина Борисовна, Липецк, Липецкий государственный педагогический университет
Валк Хейки, Тарту, Тартуский университет
Васильев Михаил Анатольевич, Псков, Археологический центр Псковской области
Гиппиус Алексей Алексеевич, Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Дорофеева Татьяна Семеновна, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Егорейченко Алнесандр Андреевич, Минск, Белорусский государственный университет
Йонайтис Ритис, Вильнюс, Институт истории Литвы
Каплунайте Ирма, Вильнюс, Институт истории Литвы
Колосницын Павел Павлович, Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Колпакова Юлия Вячеславовна, Псков, Псковский государственный университет
Королёва Эльвира Валерьевна, Псков, Псковский государственный музей-заповедник
Короткевич Борис Сергеевич, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж.
Круглова Таисия Викторовна, Псков, Псковский государственный музей-заповедник
Кулакова Марина Ильинична, Псков, Археологический центр Псковской области
Лопатин Николай Владимирович, Москва, Институт археологии РАН
Медведева Мария Владимировна, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Михайлов Александр Валерьевич, Псков, Археологический центр Псковской области
Михайлов Андрей Александрович, Санкт-Петербург, Институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ
Михайлова Елена Робертовна, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
Новосёлов Николай Валентинович, Санкт-Петербург, Государственный Русский музей
Олейников Олег Михайлович, Москва, Институт археологии РАН
Петров Михаил Иванович, Великий Новгород, Новгородский центр по организации и обеспечению археологических исследований
Плавинский Владимир Александрович, Минск, Национальный исторический музей Республики Беларусь
Плавинский Николай Александрович, Минск, Национальный исторический музей Республики Беларусь
Подгорная Розалия Геннадиевна, Псков, Археологический центр Псковской области
Потравнов Александр Леонидович, Санкт-Петербург, Историко-культурный проект «Регионавтика Северо-Запад»

Рожнятовский Всеволод Михайлович, Санкт-Петербург, Институт телевидения, бизнеса и дизайна, кафедра истории искусств

Саблин Михаил Валерьевич, Санкт-Петербург, Зоологический институт РАН

Салимов Алексей Маратович, Тверь, Тверской филиал Государственной академии славянской культуры

Салмин Сергей Анатольевич, Псков, Псковский археологический центр

Салмина Елена Вячеславовна, Псков, Археологический центр Псковской области

Соболев Владислав Юрьевич, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Соколова Ирина Георгиевна, Псков, Псковский государственный университет

Сорокин Петр Егорович, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

Спиргис Роберт, Рига, Институт истории Латвии при Латвийском университете

Стеблин-Каменская Софья Ивановна, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН

Степанов Сергей Владимирович, Псков, Псковский археологический центр

Тарабардина Ольга Альбертовна, Великий Новгород, Новгородский центр по организации и обеспечению археологических исследований

Торопова Елена Владимировна, Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Федоров Илья Андреевич, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Харлашов Борис Николаевич, Псков, Псковский археологический центр

Хмельник Татьяна Юрьевна, Санкт-Петербург, газета «Невское время»

Юшкова Мария Андреевна, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

Яворская Лилия Вячеславовна, Москва, Институт археологии РАН

Яковлев Алексей Владмирович, Псков, Псковский археологический центр

Яковлева Елена Александровна, Псков, Государственный комитет Псковской области по охране объектов культурного наследия